

В.В. Ковалев

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ
СТЕРЕОТИПОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

---

Аннотация. В работе осуществляется анализ роли аксиологических стереотипов для поддержания устойчивости развития российского общества. Выявление указанного потенциала у аксиологических стереотипов основано на изучении трех переменных: 1) фиксации ими социальной роли в групповых отношениях; 2) социальной значимости с точки зрения их функциональной направленности; 3) ценностной акцентуированности социальных стереотипов. Эта задача решается в контексте достижения более общей цели установления в российском обществе ценностной однородности.

Ключевые слова: аксиологические стереотипы, интеграция, идентификация, социальные ценности, социальные нормы, социальные роли, устойчивость, стереотипизация.

В настоящее время российское общество испытывает кризис идентичности. Он выражается в мучительных поисках наших социокультурных особенностей и места отечественного социума на магистральных путях развития мировой цивилизации. Отражением данных проблем является отсутствие в обществе стабильности, единых социальных ценностей и установок. Под вопрос поставлено само наличие российской культуры как целостного явления. В этих условиях актуальным и значимым является изучение различного рода факторов,

обеспечивающих устойчивость социального развития. Одним из таких факторов в науке принято считать социальные стереотипы.

В данной статье будет проанализирована роль аксиологических стереотипов в обозначенном качестве на примере их влияния на социальные институты. Иными словами, мы определяем задачу установить, насколько аксиологические стереотипы способны функционально содействовать формированию прочных идентификаций в системе социальных институтов. То есть обладают ли они потенциалом поддержания устойчивости и способны ли быть катализатором складывания прочных связей между субъектами социального действия. В числе прочих разъясняющих замечаний также следует указать и на то, что мы будем анализировать только аксиологические стереотипы, производные от социальных ценностей.

Институциональный анализ обеспечивает целый комплекс преимуществ перед произвольным выделением критериев, поскольку сама коммуникация в социальных институтах осуществляется на основании базовых ценностей культуры. Именно прочность институтов, их функциональная состоятельность для позитивных процессов, протекающих в обществе, отражает согласованность, относительное единообразие самих ценностных доминант, на базе которых образуются аксиологические стереотипы.

Выявление потенциала поддержания социальной стабильности в функциональной направленности аксиологических стереотипов на институциональном уровне необходимо осуществлять через следующий понятийный аппарат: социальная роль; социальная значимость; ценностная акцентуированность.

1. *Социальная роль.* Классическое определение социальной роли было дано Р. Мертоном. Согласно его воззрениям, «ролью называется ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека» [7, с. 73]. Т. Парсонс называет социальную роль «аспектом сочленения личности с социальной системой» [6, с. 754]. А.И. Кравченко, характеризуя данное понятие, делает акцент на предписанности ролевого поведения сложившейся в обществе системой прав и обязанностей [4, с. 7].

Социальная роль – это устойчивый тип поведения, который определяет характер межличностного взаимодействия согласно общественным предписаниям и приобретенным индивидом в процессе социализации знаниям о должном поведенческом стандарте в той или иной социальной ситуации.

Вся сложность поведенческих реакций человека выражается через определенную роль. Роль – это такой же регулятор общественного

поведения, как и социальная норма. Если норма определяет меру дозволенного поведения, сформировавшуюся в сознании человека или нормативном акте, то через роль мы проявляем свое знание нормативно предписанного поведения и желание следовать нормативным предписаниям. Социальная роль – это динамичное выражение социальной прескрипции, это выраженное в совместном действии понимание индивидом своего места в системе социальных отношений.

Таким образом, мы видим, что коммуникативная значимость социальной роли определяется категорией предписанности. Из этого определения можно вынести следующую связь между социальной ролью и аксиологическими стереотипами.

Во-первых, успешность соблюдения правил игры социальной роли зависит от прочности ее интегрированности в систему ценностей индивида. Здесь же мы находим прямую и непосредственную связь с аксиологическими стереотипами. Если ценности личности имеют стереотипный характер, т. е. прочно укоренены в сфере подсознательного и не подвергаются критической оценке, то обусловленные ими социальные роли будут играть стереотипно, в соответствии с теми ожиданиями, которые на носителя определенного ролевого набора возложены социумом. Вне всякого сомнения, роли поддерживаются через механизм социального контроля и успешно играют, когда на актора идет сильное давление извне. Между тем есть и внутренние рычаги самоконтроля ролевых прескрипций. Эту функцию выполняют аксиологические стереотипы. Они реализуются в практике социального взаимодействия неосознанно, в форме стандартизированных реакций на типизированные социальные раздражители. Их типизированность и предсказуемость позволяют поддерживать импульсами из подсознания предписанность рамок социальной роли и эффективность ролевой игры.

Во-вторых, и социальные роли, и аксиологические стереотипы обладают одинаковой общественной значимостью. Их функциональная направленность ориентирована на поддержание социальной стабильности, устойчивости.

Здесь мы переходим к постулированию второй оценочной категории, необходимой для выявления потенциала поддержания социальной стабильности в функциональной направленности аксиологических стереотипов на институциональном уровне.

2. Социальная значимость. Говоря о социальной значимости, нам необходимо в первую очередь определиться с функциональной направленностью аксиологических стереотипов, действующих в системе социальных институтов. Полагаем, что базовой функцией, в рамках

которой протекает процесс стереотипизации в институтах, является идентификация. В этом проявляется сходство между стереотипизацией в группах и социальных институтах. Оно легко объяснимо. Дело в том, что институционализация социального действия имеет групповую локализацию. То есть, попросту говоря, социальных институтов не существует вне группового взаимодействия. Именно наличие группы нивелирует их известную фиктивность.

Потребность в идентификации на уровне внутригрупповых контактов определяется необходимостью вхождения в определенный механизм ролевого взаимодействия. Эта проблема достаточно актуальна для современного человека, который, находясь в системе сложнейших социальных связей и отношений, обречен на перманентный процесс обучения, связанный с той ситуацией неопределенности, которая стала настолько привычна нашему времени, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Было бы наивно полагать, что процесс нашего обучения прекращается с момента окончания средней школы, вуза, аспирантуры и т.п. Стоит только человеку сказать себе, подумать о том, что он все знает, жизнь тут же преподнесет суровый урок, отправив «всезнайку» на обочину социального движения. Стоит лишь остановиться в движении, как основные массы людей стремительно уйдут вперед, и остановившийся окажется вровень с теми, кто начинал свой путь в роли подмастерья, когда он уже ощущал себя признанным мастером. Условно говоря, наши знания – это воздух в пробитом куполе воздушного шара, который быстро улетучится без проведения его постоянной подкачки. Так и наш социальный опыт устаревает, едва мы успеваем его приобрести.

Состояние неопределенности, обусловленное процессами индивидуализации, требует постоянных усилий в основании жизненного пространства. Очень удачно социальное явление индивидуализации и возникающие от него последствия, обуславливающие потребность в идентификации, охарактеризовал З. Бауман: «Смысл “индивидуализации” состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли, что составляет перемену, справедливо рассматриваемую как наиболее заметную и основополагающую черту эпохи модернити. Если говорить более коротко, “индивидуализация” заключается в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия (включая побочные эффекты) исполнения ими их ролей;

иными словами, она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)» [1, с. 154-155].

Современное российское общество находится в состоянии аномии, которое Э. Дюркгейм охарактеризовал как социальную дезорганизацию, разрушение традиционных условий жизни, обуславливающих неспособность человека удовлетворять свои потребности привычными способами, которые сформировались в условиях общественного порядка и стабильности [3]. Состояние аномии не просто вызывает социальную нестабильность. Оно порождает у индивида чувства неуверенности, страха, определяет неизменное стремление поиска чего-то прочного и основательного, что дало бы возможность человеку получить опору и поддержку в трудное время, внести ясность в неопределенность, решить проблемы там, где самостоятельный поиск решения приводит к отчаянию и потери всяких смыслов.

Решение такого рода проблем в охарактеризованных социальных условиях возможно через обретение социальной идентичности.

Состояние аномии характерно не только для российского общества. В той или иной степени его переживает большинство современных обществ, социальные отношения в которых в современной социологии принято анализировать с точки зрения методологии постмодернизма. Разрегулированность социальных связей вызвана общим культурным кризисом. Именно потому, что социальный порядок уже не кажется чем-то нормальным (в обществе нет устоявшейся привычки считать наличие порядка естественным положением вещей), существует явно выраженная потребность наведения порядка в системе групповых отношений через обретение идентичности. Потребность в идентичности определяется в силу того, что через идентификацию себя с группой и ее ценностями мы упорядочиваем свое социальное пространство, делаем ясной и четкой картину мира, в котором мы живем, определяем свое место в системе социальных связей. Это имеет огромное значение для преодоления того чувства неопределенности, которое преследует нас на каждом шагу в мире, где отсутствует социальный порядок, где социальные ценности девальвированы и постоянно подвергаются переоценке под влиянием потребностей момента.

Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей, так или иначе, вызывают необходимость упорядочивания и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие

группы и общности человек признает своими, а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений [2].

Итак, стремление к идентичности выступает в качестве механизма формирования аксиологических стереотипов на институциональном уровне. Индивид стремится к упрощению системы социальных отношений. Эта потребность вызвана необходимостью экономии времени, что в первую очередь и обеспечивают социальные стереотипы. Усваивая групповой механизм коммуникации и оценок, признаки стереотипного характера, индивид приобретает столь важные для экономии времени устойчивость характера социальных связей, схематичность и стандартизованность (отработанный сценарий взаимодействия), уверенность в том, что также готовы поступить и другие участники социальных отношений.

3. Ценностная акцентуированность. Социальные идентификации обретаются на основе определенных ценностей. Этот аспект проблематики четко разводит особенности процесса стереотипизации в группах и на институциональном уровне. В группах ценностные идентификации приобретаются как общие для всех ее участков. Между тем социальные институты представляют собой не столько группы, сколько сферы социальной реальности, в которых протекает социализация, достигаются социально значимые цели, реализуется практика социального научения и т. д. В этом смысле важнейшее значение приобретает то, насколько согласованной относительно всего спектра социальной протяженности является ценностная трансформация, протекающая в социальных институтах. Социальная стабильность напрямую зависит от согласованности, относительной однородности формирования ценностей и, соответственно, на их основе – аксиологических стереотипов.

Рассогласованность в обществе ценностей (аномия) и соответствующее этому отсутствие устойчивых стереотипов отражаются в первую очередь на нормальном функционировании социальных институтов. При этом, вне всяких сомнений, сам анализ должен осуществляться посредством определения соотносимости старых стереотипов, имеющих укорененность в культуре, и новых, которые порождаются ценностями, утверждающими потребности модернизации российского общества. Во-первых, потому, что в отечественном социуме объективно существуют носители разных идеологий, в том числе консервативной ориентации. Во-вторых, даже формальный отказ от ценностей предшествующих периодов развития не может освободить сознание от

каналов воздействия исторической памяти, поскольку сами стереотипы действуют на уровне бессознательного.

Иными словами, речь идет о способности социальных институтов вырабатывать в процессе социализации более или менее однородные аксиологические стереотипы. Сам процесс стереотипизации здесь подчинен задачам социализации и реализуется через образование трех компонентов социального стереотипа: когнитивного (признание ценностей социума как своих собственных), аффективного (закрепление этих ценностей в сознании посредством установления устойчиво положительного к ним отношения) и коннотативного (реализация ценностей в модели ролевого взаимодействия с участниками социального действия).

Основная проблема коммуникации в группах заключается в том, что в российском обществе в настоящее время доминируют ценности потребления. Отсюда протекает явное преобладание катектической ориентации (ориентации удовольствия в терминологии Т. Парсонса [6, с. 80]) в социальном действии. Эта «нищета» ценностных ориентаций обуславливает легкий и безболезненный процесс стереотипизации отношений при формировании идентификаций в группах. Причем ценности символизируются и уподобляются функционально ритуалу. Социальному актору надо лишь соответствовать, но не обязательно быть. Вследствие этого между людьми в ходе группового взаимодействия не формируется прочных идентификационных связей. Составы групп постоянно меняются, и это является типичным для современного российского общества.

Перенос этого умозаключения на характер взаимодействия в социальных институтах возможен потому, что в значительной своей части социальный институт представляет именно взаимодействие в группе. Поэтому формирование безусловно устойчивых стереотипных идентификаций, посредством которых можно было бы определить характерные особенности российской культуры как целостного и устойчивого образования, на социетальном уровне обречено на целый ряд сложностей и препятствий. Главная из этих сложностей состоит в мучительно трудном поиске солидарного отношения к социальным ценностям. Преобладание катектической ориентации приводит к упрощенному пониманию социальной интеграции как временного объединения определенных групп в борьбе за блага и возможности. Такой способ интегрирования социальных усилий схематизирует ценности, подрывая возможности для подлинной социальной солидарности.

Очень важно обратить внимание на то, что в российском обществе на участника социальных отношений очень ослаблено давление с точки

зрения наличия социального контроля на макроуровне. То ли это связано с абсолютизацией идеи индивидуализма, то ли объясняется невероятной силой социальной инертности, равнодушия, но каналы неформального контроля в нашей стране практически заблокированы. Именно поэтому катектический аспект доминирует, а российское общество в структурно-функциональном смысле не может рассматриваться как самоорганизующаяся система. Люди не должны постоянно прикладывать сверхусилия для сохранения социальной интеграции. В стабильных социальных системах импульсы к самоорганизации идут от аксиологических стереотипов. В них отражается единообразное отношение к семье, власти, праву, религии. Даже если не в абсолютно унифицированном виде, то во всяком случае для отдельных страт общества более или менее согласованно. Иначе и быть не может, потому что рассогласованность в этом вопросе неизбежно приводит к утрате ценности в общественном восприятии самих социальных институтов [5].

Схематизация ценностей в институциональных процессах важна для индивида с инструментальной точки зрения как основание первичного действия разновекторного по своей сути взаимодействия социальных акторов. Условием сохранения взаимной направленности является согласованная ориентированность на социально одобряемые ценности и роли поведения. Однако в современном российском обществе такие социально одобряемые ценности и роли поведения можно найти далеко не во всех социальных институтах, что связано с социальной аномией, ценностной разрегулированностью. В этой ситуации символический аспект взаимодействия выходит на первый план. Ценности утрачивают свое содержательное значение, так как общество неспособно к формированию интегрированной ценностной шкалы, одинаково значимой для большинства его членов. Поэтому схематизм отношений получает стимул к стереотипизации, органически присущей любому формализму и стандартизованности.

В настоящее время преобладают партикуляристские ценности, отражающие индивидуальные стереотипы, поскольку ценности универсалистские опосредованы социальными стереотипами. Это связано с тотальными процессами индивидуализации сознания в российском обществе, которые обуславливают отказ от концепции культурных универсалий. Нищета содержания универсалистских ценностей, преобладание в них катектического аспекта препятствуют появлению твердых основ для социальной солидарности. Даже в институциональном анализе универсалистские ценности проявляют свой инструментальный характер, реализуясь преимущественно через катектический

аспект посредством восприятия экспрессивных символов. Упрощенный, схематизированный вариант социальных ценностей, который на социетальном уровне существует опосредованно от аксиологических стереотипов, дает нам возможность воспринимать формальную оболочку ценности. Она не проникает глубоко в наше мировоззрение, а лишь корректирует инструментальный набор взаимодействия в системе социальных институтов каждого отдельного актора. Легко воспринятая ценность столь же легко и утрачивается. В инструментальном наборе социального действия все зависит от потребностей актора. Сама же трансформация ценностей связана со сменой стереотипа. Все это заставляет предположить наличие презумпции неустойчивости институциональной организации российского общества.

Т. Парсонс, прогнозируя последствия чрезмерной индивидуализации в социальном действии, обращает внимание на то, что первой основной интеграционной предпосылкой должны быть ограничения на ориентации, связанные с частными интересами. Эти ограничения связаны с контекстом социальной системы как коллектива, ее функциональными проблемами. Иными словами, абсолютный индивидуализм разрушает социальное единство. Безусловное доминирование индивидуальных ценностей обуславливает отсутствие согласованности в стереотипных формах взаимодействия между людьми и на социетальном уровне, так как индивидуальные стереотипы, порожденные потребностями и ценностями отдельной личности, вступают в диссонанс с индивидуальными стереотипами другой личности.

Делая общий вывод относительно потенциала аксиологических стереотипов поддерживать социальную стабильность, необходимо обратить внимание на то, что процесс стереотипизации на этом уровне не находит того должного развития, когда наличие стереотипов определяет устойчивость социальной системы. Поскольку мы констатируем доминирование в социальном действии аспекта катектических потребностей, то универсалистские ценности редуцируются в элементарную борьбу за деньги, власть и престиж, а партикуляристские отражают индивидуальные стереотипы, которые не находятся в согласованном со стереотипами других акторов социального действия состоянии. При такой оценке в обществе будет отсутствовать единообразное понимание семьи как ценности, религии, власти, права и, что еще важнее, отрицание данных социальных институтов как самоценности. Поставив под сомнение существование наличия прочных связей в системе социальных институтов, мы должны предположить проявление в российском обществе таких процессов, как правовой нигилизм, раскол между

властью и обществом, отсутствие уважения к частной собственности, низкий уровень развития трудовой культуры и т.д., а также отсутствие более или менее унифицированных представлений о значении и сущности социальных институтов.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. 390 с.
2. Воденко К.В. Современная социально-экономическая политика: культурные и философские основания // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 77–89.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.
4. Кравченко А.И. Социология. М., 2003. 390 с.
5. Лубский А.В. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичности в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 24–32.
6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.
7. Смелзер Н. Социология. М., 1994. 688 с.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M., 2002. 390 s.
2. Vodenko K.V. Sovremennaiia sotsial'no-ekonomicheskaiia politika: kul'turnye i filosofskie osnovaniia // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014. №3. S. 77–89.
3. Diurkgeim E. Samoubiistvo: sotsiologicheskii etiud. M., 1994. 399 s.
4. Kravchenko A.I. Sotsiologiya. M., 2003. 390 s.
5. Lubskii A.V. Diskursy o natsional'noi i tsivilizatsionnoi identichnostiakh v Rossii // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2014. № 2. S. 24–32.
6. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. M., 2002. 832 s.
7. Smelzer N. Sotsiologiya. M., 1994. 688 s.